

Без присмотра Лань Цижэня Чи Хуэй не чувствовала облегчения. Порой она смотрела на пустой письменный стол и задумывалась, в её голове часто возникал образ его, сидящего с прямой спиной и внимательно слушающего лекции. Проходя мимо Библиотечного павильона, она невольно бросала взгляд на окно под магнолией, желая увидеть его, но в то же время боясь этого. Однажды она действительно увидела его, сидящего у окна и что-то пишущего. Он тоже заметил её, но лишь мельком взглянул, затем опустил голову и продолжил писать. Она же, сдержав взгляд, ушла. Но она не знала, как долго он смотрел на её удаляющуюся фигуру.

Лань Цичжи, в это время изучавший древние тексты в Библиотечном павильоне, спросил:

— Цижэнь, на что ты смотришь?

Лань Цижэнь обернулся и равнодушно ответил:

— Ни на что.

Затем снова склонился над своей работой.

Лань Цичжи закрыл книгу:

— У тебя что-то на уме? Почему в последнее время ты не ходишь на занятия в Зал Орхидей?

Лань Цижэнь ответил:

— Ничего особенного. Всё, что дядя рассказывает ученикам из знатных семей, я уже изучал. Не вижу смысла тратить время на повторение.

Лань Цичжи улыбнулся и покачал головой:

— Цижэнь, разве не говорили, что повторение — мать учения?

Наступила пауза, после чего Лань Цижэнь наконец произнёс:

— Брат, не мог бы ты попросить девушку Чи остаться в клане Лань?

Лань Цичжи с пониманием посмотрел на него:

— Но разве не стоит спросить самую юную госпожу даос, хочет ли она этого?

Лань Цижэнь мрачно ответил:

— Она не хочет.

Лань Цичжи сказал:

— Ученица Вольного практика Баошань ценит свободу и следует велению сердца. Она не

желает быть связанной узами. Когда наставник Яньлин спустился с гор, многие кланы приглашали его, и клан Лань не был исключением. Но наставник не присоединился ни к одному из них, взяв лишь одного ученика, и то по особой причине. Возможно, твоя юная госпожа даос такая же.

Лань Цижэнь промолчал. Лань Цичжи добавил:

— Цижэнь, если ты не будешь торопиться с признанием, у неё ещё есть шанс остаться в клане Лань. Время на твоей стороне. Но если ты будешь настаивать, она почувствует давление, и это лишь оттолкнёт её.

Обучение скоро подходило к концу. Лань Цичжи пригласил Чи Хуэй и снова предложил ей остаться в клане Лань, упомянув также о Бай Цюсянь, которая, как он считал, рано или поздно войдёт в семью Лань, и они смогут поддерживать друг друга. Однако, зная Бай Цюсянь, Чи Хуэй понимала, что та вряд ли хочет вступать в клан Лань. Не то чтобы она не любила Лань Цичжи, она не имела ничего против него, но, возможно, из-за принадлежности к школе Баошань, она не хотела быть связанной узами клана. И это было ещё одной причиной, по которой Чи Хуэй не хотела оставаться в клане Лань.

Чи Хуэй отказала Лань Цижэню, но с Бай Цюсянь и Лань Цичжи всё было не так просто. Лань Цичжи уже глубоко влюбился, и случай с налобной лентой лишь укрепил его веру в то, что это судьба. Судьба и сердце указывали на неё, и он не мог так просто сдаться.

Лань Цичжи решил сделать последнюю попытку:

— Юная госпожа даос, ради тебя Цижэнь сам вызвался переписывать книги в Библиотечном павильоне, боясь тебя видеть, но днём и ночью думает о тебе. Разве ты не видишь, как он похудел за эти полмесяца? Когда ты проходила мимо Библиотечного павильона, знаешь ли ты, как долго он смотрел на твою спину?

— Юная госпожа даос?

— Это прозвище, которое Цижэнь дал тебе. Когда мы возвращались из поместья семьи Бай, все пошли в Облачные Глубины, а тебя не было. Это имя вырвалось у него само собой. Все уже знают, только ты не знаешь.

— Цижэнь с детства учился и тренировался под руководством дяди, строго соблюдая правила клана Лань. Он никогда не отвлекался на что-то постороннее и ничего не знал о... сердечных делах. Ни одна женщина никогда не вызвала в нём таких чувств, а ты просто уходишь?

Чи Хуэй застыла. Шутки и игры были обычным делом для неё и её братьев по учению в горах, но здесь, в клане Лань, это стало чем-то неприличным? Но Лань Цичжи был прав: она видела чувства Лань Цижэня, и сама не осталась равнодушной. Однако они были слишком разными, их цели и пути не совпадали. Она не могла принять его доброту.

— Господин Лань, это моя ошибка, но мы с Цижэнем действительно не подходим друг другу. Я... я могу только извиниться. Среди девушек знатных семей много талантливых и красивых, рано или поздно он найдёт ту, которая ему подходит.

Лань Цичжи сказал:

— Это будет непросто. Люди нашего клана, если уж кого-то выбрали, то...

Внезапно дверь Зала Изящества открылась, и на пороге появился Лань Цижэнь. Спокойно он произнёс:

— Брат, не нужно больше говорить.

Лань Цичжи покачал головой и вышел.

Лань Цижэнь опустился на колени перед ней. Он не осмелился взять её за руку, лишь схватил её рукав и, глядя ей в глаза, сказал:

— Иди. Иди куда хочешь — в Юньмэн или на Мэйшань. Ворота Облачных Глубин всегда открыты для тебя, приходи, когда захочешь.

Он взял её меч, снял с него подвеску в виде кролика из персикового дерева и спрятал её в свой рукав. Затем он достал подвеску из белого нефрита с узором облаков и прикрепил её к её мечу. Его действия были быстрыми, и он даже не спросил её согласия.

— Не волнуйся, ты не помешаешь мне. Я не буду ждать тебя, у меня много дел. Ты знаешь, моя цель в жизни — следовать за дядей, помогать брату и развивать учения клана Лань.

С этими словами он поднялся и уверенно ушёл.

Чи Хуэй сидела на полу, не зная, сколько времени прошло. Она даже не помнила, как вернулась в свою комнату.

Вдалеке Лань Цижэнь сказал:

— Брат, ты говорил, что мне не следовало признаваться в своих чувствах. Почему же сегодня ты сказал ей всё это?

Лань Цичжи ответил:

— Если уж признался, лучше сказать всё прямо. Если она останется, вы сможете быть вместе. Если нет, то лучше сразу закончить это. Ты ещё молод, в мире много важных дел, не стоит слишком погружаться в романтику. Раз уж мы, люди клана Лань, называем своих спутников «судьбой», значит, судьба всё расставит по своим местам.

Увещевая Лань Цижэня не погружаться в романтику, Лань Цичжи сам был не лучше. С тех пор

как он и Бай Цюсянь признались друг другу в чувствах, он при первой возможности спускался с гор, чтобы встретиться с ней. Иногда она была в уединении, тренируясь, иногда — на заданиях по уничтожению злых духов. Даже когда они встречались, он хотел обнять её, поцеловать, но она всегда с улыбкой уклонялась. Максимум, что они позволяли себе, — это держаться за руки. Лань Цичжи обычно был сдержанным и соблюдал приличия, но рядом с ней в его сердце будто горел огонь, который он едва сдерживал. Ему казалось, что Бай Цюсянь была слишком холодна в чувствах, что заставляло его чувствовать себя неуверенно. Но она сняла налобную ленту, признала его чувства, и он был счастливее Лань Цижэня.

Человек, погружённый в романтику, утешает того, кто потерял любовь, советуя не погружаться в романтику. Иронично.

Церемония запуска фонарей была ежегодным завершением обучения и редким днём, когда Облачные Глубины наполнялись жизнью.

Вечером ученики писали свои желания на сделанных фонарях и отпускали их в ручей, который протекал через задний двор Облачных Глубин, через пруд с лотосами и далее вдаль.

Чи Хуэй молча опустила свой фонарь в воду, слегка подтолкнула его, и он присоединился к другим, медленно уплывая.

Вдруг с другой стороны ручья на неё брызнули водой. Чи Хуэй подняла голову и увидела, что Цзян, Вэй и брат с сестрой из клана Юй машут ей.

Цзян Фэнмянь сказал:

— Мы все здесь, почему ты не с нами?

Чи Хуэй ответила:

— Где бы ни отпускать фонарь, результат будет один и тот же. Даже если начать вместе, конечные цели у всех разные.

Когда четверо закончили отпускать фонари, они подошли к ней. Цзян Фэнмянь спросил:

— Куда ты собираешься идти?

Этот вопрос застал Чи Хуэй врасплох. Она действительно не знала, куда идти. Она не могла остаться в Облачных Глубинах, но и не хотела присоединяться к кланам Цзян или Юй.

Взгляд Цзян Фэнмяня упал на её меч, и он заметил подвеску:

— Лань Цижэнь, ты и он...

— Нет, — она инстинктивно схватилась за подвеску, отодвинув меч за спину, чувствуя себя растерянной.

Цзян Фэнмянь, казалось, вздохнул с облегчением:

— Может, поедешь в Юньмэн? — осторожно предложил он. — Нет, я не хочу, чтобы ты обязательно вступала в клан Цзян. Это приглашение поохотиться. В Юньмэне очень интересно, сейчас как раз время отведать лотосовых семян и супа из лотосовых корней и свиных рёбер, который готовит моя мать.

— Мы также можем покататься на лодках, собирать лотосы, охотиться на фазанов, ловить водяных духов и запускать воздушных змеев, — добавил Вэй Чанцзэ.

— Звучит заманчиво, брат Вэй, мне тоже хочется поехать, — вдруг вмешался Цзинь Гуаншань с улыбкой, за ним следовали две красивые служанки.

Цзинь Гуаншань был старшим сыном клана Ланьлин Цзинь, и, будучи самым богатым и влиятельным кланом, он обычно окружал себя свитой молодых людей, редко общаясь с ними.

Юй Цзыюань бросила на него неодобрительный взгляд:

— Цзинь Цянь, как ты можешь предлагать поехать в Юньмэн? Ты ведёшь с собой столько людей, это же не визит к друзьям, а настоящее турне.

Почему-то все любили называть Цзинь Гуаншаня «Цзинь Цянь», а не его именем «Гуаншань», возможно, потому что слово «деньги» слишком глубоко засело в их сознании.

<http://bllate.org/book/15280/1348929>